DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-136-163

Р.Ф.Туровский, Е.В.Брагина

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ЕВРОПЕ И РОССИИ[1]

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Социальная поляризация и региональная дифференциация в государстве: есть ли вызов для стабильности?» Лаборатории региональных политических исследований факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Ростислав Феликсович Туровский — доктор политических наук, профессор, зав. Лабораторией региональных политических исследований факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: RTurovsky@hse.ru.

Екатерина Викторовна Брагина — студентка бакалавриата образовательной программы «Политология», стажер-исследователь Лаборатории региональных политических исследований факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: evbragina@edu.hse.ru.

Аннотация. В статье анализируются факторы генерализованного социального доверия в современных государствах. При этом авторы опираются на подход «сверху вниз», предполагающий, что доверие к политическим институтам оказывает значимое влияние на социальное доверие, рассматривая также факторы социально-экономического характера.

Исследование современных европейских государств, проведенное методом регрессионного анализа на основе социологических данных World Values Survey и Eurobarometer, показывает, что политическое доверие продолжает положительно влиять на уровень социального доверия. Однако не меньшее значение имеют экономическое развитие и низкий уровень социального расслоения. Потенциально важным новым фактором является рост доверительных отношений в городских сообществах, тогда как наличие или отсутствие коммунистического прошлого утратило свое влияние на социальное доверие.

Российский случай рассматривается в статье отдельно, что обусловлено спецификой политического доверия в персоналистских президентских режимах, более продолжительным коммунистическим опытом России, а также современным ростом в ней политического доверия, которое радикально превосходит по уровню доверие социальное. Базируясь на сравнительном изучении социологических трендов и факторов социального доверия в стране, авторы фиксируют поэтапное складывание ситуации, когда социальное доверие находится в обратной зависимости от политического. Данный феномен они склонны объяснять гипертрофированной значимостью повестки личной и общественной безопасности, которая негативно

сказывается на социальном доверии, одновременно повышая востребованность политического доверия. Социально-экономические факторы в России играют ограниченную роль, но способны восстанавливать свое влияние в периоды снижения общественной напряженности. По заключению авторов, с учетом сложившейся политической системы потенциал роста социального доверия в РФ невелик.

Ключевые слова: социальное доверие, политическое доверие, социальный капитал, политический режим, социальное расслоение, Россия, Европа.

Введение

Доверие — одна из самых важных и противоречивых категорий в социальных науках. Доверие в обществе и доверие общества к политическим институтам могут меняться по разным траекториям, оказывая при этом фундаментальное влияние на общие эволюционные процессы в государстве. О соотношении политического и социального доверия и его изменениях в современном мире и пойдет речь в настоящей статье.

Категория доверия подразумевает, что у нас есть некие ожидания применительно к партнеру по потенциальному взаимодействию — именно исходя из них, мы решаем, доверять ему ли нет. Тем самым решения индивидов зависят от того, как они относятся к тем, с кем взаимодействуют, насколько надежными их считают (у этого чувства, как будет показано ниже, могут быть разные основания). Степень доверия является ключевой характеристикой подобных взаимодействий, всегда предполагая некоторую степень риска для доверяющего[2].

[2] *Levi 1996.*

В социальных науках принято считать, что доверие и обязательства выступают главными инструментами решения проблемы неопределенности в социальных взаимодействиях. При этом доверие может быть более эффективным инструментом. Неопределенность же возникает по причине нашей неуверенности в других людях, которая влечет за собой неуверенность в собственных действиях. С целью избавиться от неопределенности (а такое желание, как показывают исследования в области психологии[3] и нейробиологии[4], носит естественный характер, будучи обусловлено стремлением избежать негативных ощущений) люди прибегают к когнитивным упрощениям, одним из которых становится доверие. Если обязательства предполагают достижение гарантированного результата, то доверие означает игнорирование возможных рисков, которые могут быть и неявными[5]. По мнению части исследователей, традиционное решение проблемы неопределенности посредством обязательств скорее «бремя, чем благо»[6], поскольку ставит человека в жесткие рамки, препятствует поиску альтернативных вариантов. Но стратегия действий, основанная на доверии, возникает только в том случае, если индивид рассматривает сопутствующие риски как несущественные.

[3] *Schwartenbeck et al. 2013.*

[4] *Jepma et al. 2012.*

[5] *Bhide and Stevenson 1992.*

[6] *Yamagishi T. and Yamagishi M. 1994.*

В работах, посвященных концептуализации доверия, можно встретить два разных подхода. В рамках первого источником доверия считается сам человек, оценивающий партнера в зависимости от своих личностных черт. Подобного рода доверие, которое Маргарет Леви и Рассел Хардин определяют как «форму инкапсулированного интереса»[7], сконцентрировано именно в человеке, базируется на психологических и биологических характеристиках личности[8]. Очевидно, что такой подход плохо применим при изучении государств и институтов внутри них, ведь он подразумевает, что среда, в которой индивид находится ежедневно, влияет на него незначительно.

[7] *См. Levi 1988; Hardin 2002.*

[8] *Cawvey et al. 2018.*

Поэтому мы будем опираться на другую теорию, согласно которой источником доверия являются социальные связи между индивидами. Следуя этой теории, Том Тайлер и Джон Брейтвейт объясняют функционирование известного нам общества, в котором доверие формируется в социальном взаимодействии, основывается на его практиках и их результатах[9].

[9] *Tyler 1990; Braithwaite and Makkai 1994.*

Сделав выбор в пользу данной теории, рассмотрим связанные с ней подходы к изучению доверия. Один из них, отталкиваясь от теории рационального выбора, постулирует, что позитивный опыт взаимодействия будет побуждать нас к его воспроизводству, а негативный заставит отказаться от взаимодействий[10]. Некоторые ученые называют такие практики «играми в доверие»[11]. Подобная трактовка, однако, означает, что доверие фундаментально неустойчиво и каждый раз требует подсчета индивидом собственных выгод и издержек. Мы же полагаем, что в процессе своего существования в обществе индивид неизбежно перенимает некоторые установки, транслируемые как другими людьми, так и институтами, и руководствуется ими в дальнейшем.

[10] *Cook and Santana 2018.*

[11] *Buskens, Frey, and Raub 2018.*

В связи с этим для нашего исследования больше подходит концепция доверия, основанного на социализации. Но и в рамках этой концепции источники доверия могут трактоваться по-разному. Например, Джеймс Коулман считает таким источником семью[12], Роберт Патнэм — промежуточные ассоциации и неформальные организации (где решение о вступлении принимается людьми самостоятельно)[13], Гэри Миллер — лидерство (которое в данном случае не является личностной чертой)[14], Дэвид Крепс — корпоративный принцип (связанный с экономическими организациями)[15].

[12] *Coleman 1994.*

[13] *Putnam, Leonardi, and Nanetti 1993.*

[14] *Miller 1992.*

[15] *Kreps 1990.*

При любом подходе к источнику доверия важно, что оно реализуется в определенном сообществе. В настоящей работе мы будем исходить из наиболее общей концепции моралистического, или генерализованного, доверия[16], предполагающего веру в то, что большинство людей заслуживает доверия. Это соответствует определению Хардина, который называет доверием восприятие других людей как заслуживающих доверия[17]. Данная концепция не принимает во внимание ни индивидуальную психологию доверяющего, ни характеристики партнеров по взаимодействию, строясь на всеохватном понимании доверия в обществе.

[16] *Uslaner 2002.*

[17] *Hardin 1992.*

Концепция генерализованного доверия может быть дополнена концепцией аморального фамилизма, предложенной Эдвардом Бэнфилдом[18] и являющейся своеобразным развитием теории Коулмана, который рассматривает семью в качестве базового источника доверия. Согласно этой концепции, доверие формируется в рамках замкнутых ассоциаций, сочетаясь с недоверием по отношению к чужакам, не входящим в эти ассоциации. Очевидно, что аморальный фамилизм подрывает генерализованное доверие, способствуя фрагментации общества.

[18] *Бэнфилд 2019.*

Итак, механизмы социального доверия могут реализовываться и внутри, и вовне общественных ассоциаций и социальных групп, образующих идентичности. Это напоминает нам о теории Патнэма, в соответствии с которой социальные взаимодействия развертываются по двум направлениям. Одно из них — это «скрепление» (bonding), предполагающее усиление консолидации в рамках существующей группы, другое — «наведение мостов» (bridging), означающее взаимодействие между группами. При решении поставленных в настоящем исследовании задач последнее заслуживает особого внимания, так как именно оно создает основания для отношений генерализованного доверия[19].

[19] *Patulny and Svendsen 2007.*

Но каким образом происходит формирование генерализованного доверия в обществе? В литературе можно встретить два противоположных ответа на этот вопрос. Первый предполагает формирование отношений доверия «снизу вверх» (bottom up) с опорой на исходные представления самих людей о возможности сделать мир лучше. Данная трактовка обычно используется при изучении корпоративной культуры в бизнесе[20] и релевантна для среды, где система строится на фундаменте из убеждений людей. Государство, по нашему мнению, функционирует иначе.

[20] *Bijlsma and van de Bunt 2003.*

Второй ответ — формирование отношений доверия «сверху вниз» (up bottom) — исходит из важности качественных институтов, экономического благополучия и социального равенства. Их наличие настраивает людей на то, чтобы доверять друг другу, снижает восприятие рисков при решении проблемы «доверия незнакомцу». Такую трактовку мы видим, в частности, в работе Сони Змерли и Кена Ньютона, согласно которым вера в хороший мир складывается в процессе социализации при условии хорошо работающих институтов[21]. Именно ее мы и будем придерживаться в своем исследовании, ведь институциональные механизмы играют важнейшую роль в социализации индивида. Они структурируют ежедневные взаимодействия, превращая жизнь в упорядоченную систему, — а это, на наш взгляд, не может не влиять на представления о благонадежности других людей, включенных в эту среду.

[21] *Zmerli and Newton 2008.*

Институциональные механизмы принципиально важны для исследований политического доверия, которое по смыслу своему направлено на те или иные политические институты. В сущности, политическое доверие есть разновидность доверия институционального. Оно

предполагает доверие к тем или иным политическим институтам, начиная с ассоциаций между человеком и государством. В современном мире государство становится территориально-политической общностью, в рамках которой формируется генерализованное доверие. Тем самым отношения социального доверия оказываются ориентированы не на «человечество в целом», а лишь на тех, кто живет в границах определенного государства. В связи с этим Патти Тамара Ленард и Дэвид Миллер говорят о том, что общая идентичность выступает источником генерализованного доверия[22]. Теории национальной и государственной идентичности напоминают, что мы так или иначе ассоциируем себя с людьми, проживающими на той же государственной территории, что и мы[23].

[22] Lenard and Miller 2018.

[23] Berg and Hjerm 2010.

В самом общем виде политическое доверие означает наше согласие с тем, что государство, с которым мы себя ассоциируем, и его политические институты представляют интересы народа как источника власти и функционируют в соответствии с установленными нормативными целями. Из этого не следует, что общественные группы и государство обязательно находятся в гармонии. Так, сверхцентрализованное и/или авторитарное государство может препятствовать координации внутри малых групп и между ними (что для нас особенно важно), не позволяя создавать сети взаимодействия[24]. Это чревато разрушением отношений социального доверия, на смену которым приходит система взаимных обязательств между государством и обществом (и отдельными его группами), а в крайних случаях — односторонних обязательств общества перед государством. И тогда трудно предсказать, как будут развиваться отношения социального доверия, утратившего значимую роль в государстве и подмененного иерархической системой господства и подчинения. Таким образом, доверие в заметной степени зависит от политического режима.

[24] Taylor 1982.

Политическое доверие часто изучается *per se* — например, через призму протестного поведения как формы неинституционализированного участия[25] либо в рамках исследования электоральных процессов в США[26], Канаде[27] или в Европе[28]. В этой работе мы намерены проанализировать взаимосвязь социального и политического доверия, исходя из установки, что доверие к политическим институтам способно оказывать решающее влияние на генерализованное доверие в обществе (подход «сверху вниз»). Многие авторы полагают, что доверие к политической системе прямо влияет на формирование стабильного социального порядка, делая подчинение государству и его требованиям добровольным[29]. И такой порядок может распространяться на другие отношения в обществе, не связанные с государством и его институтами.

[25] Kaase 1999.

[26] Anderson and LoTempio 2002.

[27] Belanger and Nadeau 2005.

[28] Grönlund and Setälä 2007.

[29] См., напр. Levi 1996.

Социальное доверие — важный эффект функционирования демократических режимов. Согласно Марку Уоррену, существуют три механизма поддержания социального доверия в демократиях — верховенство права (оно же создает гарантии безопасности), социальная

поддержка (выводящая людей из замкнутых ассоциаций) и распространение предписаний для будущих взаимодействий через систему образования[30]. Отношения аморального фамилизма, преобладание «скрепления» над «наведением мостов», напротив, вредят демократии, приводя к фрагментации общества, отказу людей от сотрудничества с другими группами. В целом социальное доверие принято воспринимать как значимый ресурс для демократической системы[31].

[30] Warren 2017.

[31] Kashefi 2015.

Но тут неизбежно возникает вопрос о характере отношений между социальным и политическим доверием. Предварительно можно предположить, что генерализованное доверие, будучи базисом социальных отношений, способно распространяться и на политические институты. Но можно предположить и обратное — что политическое доверие в государстве формирует и структурирует социальные отношения. В своем эмпирическом исследовании мы ставим перед собой задачу проверить, может ли политическое доверие оказывать влияние на доверие социальное и как оно соотносится с другими возможными факторами последнего. Как уже говорилось, согласно теории, на которую мы опираемся, социальное доверие есть функция хорошо работающих институтов, из чего следует, что политические институты в состоянии повлиять на отношения в обществе. Тем не менее мы не отказываемся от тестирования и обратной закономерности. Исследование проводится на материале современных европейских демократий, как старых, так и новых, а также России.

Сложность операционализации политического доверия, особенно при сравнительном исследовании, заключается в определении объекта такого доверия. Данная проблема особенно важна для демократических стран с четко выраженным и действенным разделением властей, а также для федераций с их территориальными уровнями государственной власти. «Доверие к государству» и «доверие к власти» — абстрактные категории, на практике распадающиеся на множество отношений доверия к разным институтам с разными параметрами.

Главную трудность представляет выбор между доверием к исполнительной власти (правительству) и к власти законодательной (парламенту). Мы исходим из того, что доверие к парламенту более чувствительно к идеологическим предпочтениям граждан и актуальному партийному раскладу. Со своей стороны правительство, хотя оно тоже имеет идеологические ориентации и партийную структуру, в большей степени ассоциируется с системой управления в целом, с государством. Так, применительно к США, где система разделения властей не вызывает никаких сомнений, Марк Хетерингтон операционализировал политическое доверие именно как доверие к правительству[32]. В то же время в случае персоналистских режимов, к которым относится Россия, принято рассматривать другой показатель — доверие к главе государства, президенту. Это осложняет рассмотрение России в одной выборке с европейскими странами, требуя выделения ее в особый кейс.

[32] Hetherington 1998.

Политическое и социальное доверие в Европе

Рассмотрим актуальные тренды социального и политического доверия в европейских странах. Некоторые исследования фиксируют падение в них (а также в США) уровня политического доверия после 2014 г.[33] Однако наш анализ социологических данных за период с 2005 г. свидетельствует скорее о волнообразных трендах, при том что социальное доверие демонстрирует довольно устойчивую тенденцию к повышению. Впрочем, такое рассогласование может объясняться спецификой выборки и операционализации разных видов доверия.

[33] Citrin and Stoker 2018.

Эмпирические данные говорят о том, что связь между социальным и политическим доверием носит сложный и неоднозначный характер. Это отвечает выводам зарубежных исследователей, сделанным на основании изучения результатов волн World Values Survey (WVS) 2005—2009[34] и 2010—2014[35] гг., выявивших «сложные паттерны» при положительной корреляции уровней двух типов доверия.

[34] Newton and Zmerli 2011.

[35] Newton, Stolle, and Zmerli 2018.

Наша гипотеза (применительно к этой части исследования) заключается в том, что периодическое снижение политического доверия в европейских демократиях не наносит значительного вреда отношениям социального доверия в случае компенсаторного воздействия социально-экономических факторов. Неочевидность прямой зависимости между политическим и социальным доверием требует привлечения дополнительных показателей, способных оказывать влияние на социальное доверие. Очевидно, что при всей важности политических институтов их роль не стоит абсолютизировать.

Истоки социального доверия часто ищут в особенностях экономического развития. Вместе с тем не затихают споры по поводу того, является ли экономическое благополучие причиной или следствием высокого уровня развития социального капитала. Некоторые эмпирические работы доказывают наличие устойчивой связи между социальным капиталом и экономическим развитием[36], хотя другие авторы считают выявленные в них закономерности «шаткими»[37]. В частности, широкой популярностью пользуется тезис о том, что экономическая успешность обществ уходит корнями в социальные отношения, базирующийся на заключениях Патнэма, сделанных им по результатам сравнения севера и юга Италии[38]. По справедливому замечанию Патнэма, высокое социальное доверие приводит к снижению трансакционных издержек, что положительно сказывается на экономическом развитии.

[36] Beugelsdijk, Groot, and Schaik 2004.

[37] Berggren, Elinder, and Jordahl 2008.

[38] Putnam, Leonardi, and R.Nanetti 1993.

В настоящем исследовании мы будет опираться на выводы Романа Хорвата[39] и Кристиана Бьёрнскова[40], согласно которым экономический рост более значимо влияет на социальное доверие, чем наоборот. Это логично, если исходить из подхода «сверху вниз»: паттерны в поведении людей формируются в первую очередь институтами в ходе социализации. Все наши убеждения и установки по поводу среды, в которой мы находимся, являются следствием пребывания в ней.

[39] Horvath 2013.

[40] Bjørnskov 2012.

Это теоретическое положение позволит нам использовать экономические показатели в качестве независимых переменных, способных влиять на социальное доверие. В исследованиях социально-экономи-

ческих факторов, в частности, отмечается прямое влияние экономических показателей на политическое и социальное доверие в Китае[41]. Эта закономерность отвечает теории ценностного сдвига Инглхарта, в соответствии с которой при достижении определенного уровня материального благополучия люди перестают видеть риски для своей жизни в повседневных действиях[42], что в свою очередь ведет к росту социального доверия.

[41] Wang 2005.

[42] Инглхарт 1997.

Наряду с этим зафиксировано негативное влияние на социальное доверие социального расслоения[43]. Оно влечет за собой фрагментацию общества, снижает шансы на доверительные отношения между представителями разных социальных групп, затрудняет «наведение мостов».

[43] Barone and Mocetti 2016.

Потенциально важной представляется связь социального доверия с таким структурным процессом, как урбанизация. Принято считать, что в сельских сообществах с присущей им сплоченностью уровень доверия выше, чем в городах[44]. Исследования в США показали, что социальное доверие снижается при повышении плотности населения[45]. Еще более значимой с точки зрения социального доверия нам кажется плотность социального взаимодействия: в более «плотном» пространстве возникают эффекты социального отчуждения, о которых еще в начале XX в. писал Георг Зиммель[46] (впрочем, его заключения требуют проверки на современном материале).

[44] Sennet 1970.

[45] Taylor, Funk, and Clark 2007.

[46] Зиммель 2002.

Наконец, в европейских исследованиях не следует упускать из вида различия между «старыми» демократиями и посткоммунистическими странами. Многие исследователи обращают внимание на негативное влияние коммунистического прошлого на уровень социального и политического доверия[47]. Причина видится в проблемах коммунистического периода, которые вели к фрагментации общества, замыканию в круге знакомых и тому, что мы обозначили выше как аморальный фамилизм.

[47] См., напр. Mishler and Rose 2001.

[48] Newton and Zmerli 2011.

[49] Регрессионная модель строится для трех волн WVS: 2005—2009, 2010—2014 и 2017—2021.

Эмпирическое исследование социального и политического доверия в европейских странах

Опираясь на предшествующие работы, вначале мы проводим исследование факторов социального доверия в современных европейских обществах методом регрессионного анализа: в зависимости от года наблюдения в модель включаются от 9 до 32 стран. В отличие от Ньютона и Змерли[48], мы концентрируемся на одном виде политического и одном виде социального доверия, при этом рассматривая более широкий, чем они, период (2005—2021 гг.), что позволяет выяснить, как сказываются на формировании генерализованного доверия изменения в отношении к важнейшим властным институтам и динамика социально-экономических показателей.

Поскольку опросы проводятся волнами, показатели социального доверия внутри каждого периода одинаковы.

В качестве зависимой переменной выступает доля людей в определенной стране в наблюдаемый год, согласившихся с утверждением «Большинству людей можно доверять» (что соответствует генерализованному доверию). Данные почерпнуты из опросов WVS[49].

Ключевой независимой переменной является политическое доверие, которое рассматривается на примере доверия национальному правительству. Здесь мы используем долю людей, выбравших первый вариант при ответе на вопрос «Вы склонны доверять или не доверять национальному правительству?» в опросе Eurobarometer в соответствующей стране в соответствующий год[50]. Отчеты Eurobarometer публикуются дважды в год — мы брали более ранний из вышедших в интересующем нас году.

[50] https://europa.eu/eurobarometer/surveys/browse/all.

Кроме того, мы включаем в модель ряд экономических и демографических переменных: экономическое благосостояние, социальное расслоение и плотность потенциального взаимодействия. В первом случае задействован наиболее общий показатель экономического благополучия — ВВП на душу населения[51], во втором — индекс Джини[52], в третьем — плотность населения на квадратный километр[53] (значения всех переменных взяты из базы данных World Bank). В виде dummy-переменной учитывается наличие у страны коммунистического прошлого.

[51] https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD.

[52] https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI.

[53] https://data.worldbank.org/indicator/EN.POP.DNST.

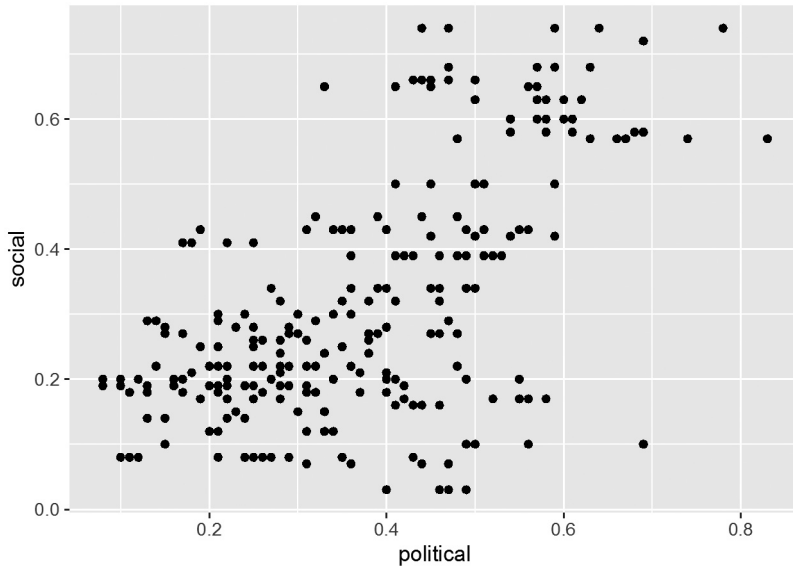
NB! Хотя все упомянутые элементы в составленной нами базе данных, за исключением последнего, измеряются в непрерывной шкале, у них очень разные максимальные значения, что чревато смещением значимости коэффициентов в итоговой выдаче. Эта проблема решается посредством нормирования с помощью функции масштабирования в RStudio непосредственно перед анализом данных.

Предваряя регрессионный анализ, рассмотрим диаграмму рассеивания показателей социального и политического доверия (см. *рис. 1*). На диаграмме отчетливо видны два сценария, создающие интересную развилку. При сравнительно высоком политическом доверии социальное доверие может быть или очень высоким (что соответствует теоретическим ожиданиям и распространено в Европе), или очень низким. Второй сценарий напоминает аморальный фамилизм, сочетая низкое генерализованное доверие с высоким доверием политическим институтам. Впрочем, таких примеров немного. При этом случаи, когда высокое социальное доверие сочетается с низким политическим, отсутствуют.

В среднем разрыв между показателями доверия в Европе невелик и составляет около 10 п.п. в пользу социального (Норвегия) или политического (Франция). В большинстве же случаев первенство одного с разной степенью регулярности сменяется первенством другого. Большие перепады между видами доверия нетипичны и на протяжении всего периода наблюдения встречаются лишь у отдельных стран (Кипр и Португалия, где гораздо выше политическое доверие), причем эпизодически, как реакция на различного рода кризисы. Однако ни в одной из этих стран разрыв не достигает таких масштабов, как в России (от 20 до впечатляющих 55 п.п., по данным WVS), которая в этом плане заметно выбивается из общего ряда[54].

[54] Доверие президенту в России в исследуемый период не опускалось ниже 50%, временами поднимаясь до 80%, тогда как социальное находилось на уровне в 20—25%. Сами по себе эти показатели, если отвлечься от разрыва между ними, не являются чем-то исключительным на европейском фоне.

Рисунок 1 Диаграмма рассеивания для социального и политического доверия



Ввиду того что единицей анализа выступает страна в определенный год, мы строим множественную регрессию с фиксированными эффектами на страны и временны́е ряды. Сначала мы провели F-тест с нулевой гипотезой, согласно которой обычная линейная модель лучше подходит для наших данных, чем модель с фиксированными эффектами: результат оказался ниже уровня значимости. Далее — сравнили два варианта учета этих различий: модель со случайными эффектами и модель с фиксированными эффектами. Тест Хаусмана показал, что в нашем случае более релевантен второй вариант. Кроме того мы провели тест на наличие временны́х эффектов — и отвергли гипотезу об их отсутствии.

NB! Наша панель является несбалансированной, поскольку по крайней мере в одном периоде отсутствует информация о конкретном наблюдении. Это следствие привлечения данных из различных баз и неизбежных пробелов в них. Понятно, что в такой ситуации может возникать проблема эндогенности — как уже отмечалось, мы отнюдь не настаиваем на детерминированности взглядов людей на мир институциональными механизмами, а просто считаем влияние последних существенным. Указанная проблема решается посредством включения в модель переменных взаимодействия.

Согласно скорректированному показателю R^2, полученная регрессионная модель объясняет около 71% изменений в уровне социального

доверия в рассматриваемый период в европейских обществах. Условия Гаусса-Маркова: медиана близка к 0 (0,020626); остатки имеют распределение, близкое к нормальному (p-value формального теста Шапиро-Уилка = 0,5261). Однако, поскольку условие гомоскедастичности не выполнялось (p-value формального теста Бройша-Пагана = 0,0001266), мы скорректировали оценку модели на гетероскедастичность и автокорреляцию и стали использовать устойчивые к ним стандартные ошибки.

Таблица 1 **Влияние политического доверия и социально-экономических показателей на генерализованное социальное доверие**

	Estimate	*Pr (> | t |)* [55]
Политическое доверие	0,108323	0,003632 **
Индекс Джини	-0,320975	2,366e-16 ***
Плотность населения	-0,206580	0,003311**
ВВП на душу населения	0,690359	1,359e-06***
Коммунистическое прошлое	0,072512	0,231222
Индекс Джини и ВВП на душу населения (переменная взаимодействия)	-0,482287	2,161e-10***
Плотность населения и ВВП на душу населения (переменная взаимодействия)	0,441051	5,973e-07***
Политическое доверие и индекс Джини (переменная взаимодействия)	-0,193193	6,06e-05***
Плотность населения и индекс Джини (переменная взаимодействия)	0,348631	4,389e-08***
Signif. codes: 0 ‘***’ 0,001 ‘**’ 0,01 ‘*’ 0,05 ‘.’ 0,1 ‘ ’ 1		
R-Squared	0,73886	
Adjusted R-Squared	0,71252	
F-statistic: 71,6787 on 9 and 228 DF, p-value: < 2,22e-16		

[55] P-value указан с учетом корректировки модели.

Проведенное исследование позволило дополнить и уточнить выводы предшествующих работ[56], что не в последнюю очередь связано с включением в анализ переменных взаимодействия, помогающих отследить вероятное влияние комбинаций факторов, которое те могут не оказывать в отрыве друг от друга. Суммируем наиболее важные его результаты.

1. Влияние политического доверия на социальное сохраняется. При этом обращает на себя внимание переменная взаимодействия политического доверия и индекса Джини. Она показывает, что социальное доверие снижается в обществах, сочетающих высокое политическое доверие с имущественным расслоением. Иными словами, расслоение

[56] Чтобы убедиться, что решение работать в рамках подхода «сверху вниз» было верным, мы решили проверить обратный вариант: сделать политическое доверие зависимой переменной, а социальное добавить в список независимых. Объяснительная сила

такой конфигурации почти в 2 раза меньше (41%), а значимыми являются лишь индекс Джини, плотность населения и ее взаимодействие с ВВП.

оказывается фактором риска, который способен подорвать социальное доверие даже в обществах с высоким политическим доверием, нарушив тем самым их прямую связь.

2. Ключевым фактором, который поддерживает социальное доверие, в том числе в случае снижения доверия политического, становится экономическое развитие. Мы видим, что в построенной модели самым весомым по модулю коэффициента является ВВП на душу населения, что подтверждает не просто позитивное влияние экономического благополучия общества на его социальный капитал, но и решающую роль данного фактора.

3. Социальное расслоение (индикатором которого выступает индекс Джини) негативно сказывается на социальном доверии. Неудивительно, что отрицательно влияет на социальное доверие и переменная взаимодействия ВВП на душу населения и индекса Джини, причем очень сильно, почти так же, как ВВП. Таким образом, даже в относительно богатых обществах социальное расслоение порождает риски снижения социального доверия.

4. Сама по себе плотность населения ожидаемо оказывает отрицательное влияние на социальное доверие, но есть интересный нюанс. Переменные взаимодействия плотности населения и ВВП, а также плотности населения и индекса Джини положительно связаны с социальным доверием. Это дает основания предположить тенденцию к формированию отношений социального доверия в современных городских сообществах. Возможно, широкое распространение социального доверия в условиях экономического благополучия препятствует отчуждению и фрагментации в мегаполисах. Это заключение носит предварительный характер и нуждается в дополнительной проверке, но само появление данного тренда примечательно.

5. Судя по всему, по прошествии времени фактор коммунистического прошлого утратил свое значение. Сегодня мы не можем утверждать, что его наличие или отсутствие влияет на социальное доверие.

Эмпирическое исследование социального и политического доверия в России

Изучение социального доверия на примере России представляется весьма продуктивным с точки зрения приобретения нового знания о доверии *per se*, поскольку, как справедливо отмечают Хуан Линц и Альфред Степан, его следствия особенно наглядны в переходных режимах, испытывающих «дефицит доверия» в силу наследия прежнего авторитарного режима[57]. Под таким наследием понимается прежде всего коммунистическое прошлое, которое наложило свой отпечаток и на специфику доверия. Так, оно оставило ощутимый след в виде распространения двойных стандартов как нормы отношений в обществе, социологически фиксируемых как увеличенный разрыв между доверием близкому кругу людей и доверием большинству (так называемая поляризация доверия)[58].

[57] Linz and Stepan 1996.

[58] Kuznetsov and Kuznetsova 2008.

Россию целесообразно рассматривать в качестве особого исследовательского кейса не только по причине отсутствия страны в базе данных Eurobarometer, но и ввиду ее структурной специфики.

Во-первых, если главной дихотомией в исследованиях политического доверия в европейском пространстве является выбор в качестве ключевой переменной доверия парламенту или же правительству, то в России действует персоналистский президентский режим. Еще Конституция 1993 г. наделила президента огромными полномочиями, и многолетние опросы показывают, что для большого числа россиян политическая система сводится к фигуре президента. Такая конфигурация власти подкреплена запросом со стороны граждан на сильного лидера, которому незачем беспокоиться по поводу формальных демократических процедур, причем этот запрос усиливается из года в год[59].

[59] *Петухов 2017.*

Во-вторых, Россия не вписывается в выявленный в Европе и Северной Америке тренд на понижение общего уровня политического доверия, что делает сомнительной возможность ее рассмотрения под этим углом зрения. Более того, как уже отмечалось, на европейском фоне Россия демонстрирует экстремальную разницу между уровнями политического и социального доверия.

В-третьих, Россия заметно превосходит европейские страны с коммунистическим прошлым по его продолжительности, что не позволяет распространить на нее вывод об отсутствии влияния коммунистического опыта на современные отношения социального доверия.

Россия представляет собой крайне интересный случай с точки зрения сочетания длительного коммунистического прошлого с персоналистским режимом в настоящем — переход с социалистических рельсов требует формирования новых институтов, которые через определенность механизмов обеспечили бы предсказуемость существования большинству населения. Теоретически в этой логике можно было бы рассмотреть также Украину, Молдову и Беларусь. Однако ярко выраженный персоналистский режим присутствует лишь в последней. При этом в плане продолжительности коммунистического правления Беларусь, наряду с Украиной, отличается значительной территориальной неоднородностью (в Молдове в целом этот правление было короче). Все это говорит в пользу рассмотрения российского кейса отдельно от остальных и вне рамок общеевропейской выборки.

Применительно к российской части исследования наша гипотеза состоит в том, что в рамках актуальной эволюции политического режима в стране происходит фактическое вытеснение социального доверия политическим, которое в условиях слабости социального доверия, вызванной сложностями посткоммунистического развития, играет компенсаторную роль.

Исследования социального доверия в постсоветской России не носят системного характера, на разных этапах ее истории раскрывая разные закономерности. В частности, в 2010 г. Полина Козырева и Александр Смирнов фиксировали постепенный рост социального до-

вера, отмечая при этом, что по уровню его развития сельская местность превосходит города, а государственные предприятия — частные[60]. Как следует из литературы, социальное доверие повышалось и в период с 2010 по 2012 г.[61], что принято объяснять преодолением последствий финансового кризиса 2008 г. Экзогенная природа потенциальных шоков вероятна и для доверия политического — в модели политической поддержки в России доминирует институциональное влияние[62], что типично для подавляющей части новых и переходных режимов[63]: доверие институтам там во многом связано с результатами их деятельности, и ими же в большинстве случаев объясняются внезапные изменения.

Работы последнего времени указывают на низкий уровень социального доверия в российском обществе, и сдвиги в сторону его повышения не прогнозируются. Вместе с тем вновь обнаруживается зависимость генерализованного доверия от экономической ситуации: со снижением материального благосостояния граждан падает и доверие. По заключению ряда исследователей, переменные социального неравенства и доверия образуют замкнутый круг с полюсами обратно пропорционального воздействия друг на друга[64]. Многие авторы обращают внимание на негативные эффекты слабого развития социального капитала для экономики страны. Так, отставание России по уровню ВВП на душу населения не в последнюю очередь связывается с сохраняющимся в обществе недоверием, в частности с недоверием к предпринимательской деятельности[65].

В целом существующие работы концентрируются на взаимосвязи доверия и экономических показателей, не включая в модель политические институты и их восприятие. Не проводится параллель между динамикой социального и политического доверия, а также спецификой последнего. В настоящем исследовании, опираясь на выводы, полученные на материале европейских стран, и учитывая своеобразие российского случая, мы пытаемся заполнить эту лакуну. Изучение российского кейса строится на сравнении динамических трендов по показателям социального и политического доверия с учетом трендов для потенциально влияющих на доверие факторов, как аналогичных тем, что были использованы при анализе европейских стран, так и дополнительных, отражающих особенности российского общества и политической системы.

Российский случай: институциональное доверие и запрос на безопасность

Изначальная цель создания институтов — преодоление неопределенности, редуцирование числа потенциальных стратегий поведения, что снижает социальную напряженность и стимулирует людей к проявлению доверия. Институциональные механизмы способствуют социальному доверию в том числе путем минимизации ощущения опасности и риска[66]. Посткоммунистическая «поляризация доверия», которая сродни аморальному фамилизму, создает почву для широкого распространения недоверия. И если во многих европейских странах с подоб-

[60] Козырева и Смирнов 2010.

[61] Реутов и Реутова 2014.

[62] Mishler and Rose 2005.

[63] Mishler and Rose 2001.

[64] Шабунова, Косыгина и Белехова 2021.

[65] Авдеева 2019.

[66] Черепанова и Максимова 2019.

ным прошлым недоверие нивелируется с помощью стабильных демократических институтов, то Россия делает ставку на риторику безопасности, призванную обеспечить легитимность действующих политических лидеров[67].

[67] *Snetkov 2015.*

По оценке исследователей, одним из ключевых предикторов снижения социального доверия в США, имевшего место после 1960-х годов на фоне роста ВВП на душу населения, являлось повышение конфликтности[68]. Есть основания полагать, что и в России препятствовать укреплению социального капитала может именно она. Самым очевидным ее измерением можно считать число зарегистрированных преступлений, поэтому мы включим этот показатель в дальнейший анализ в качестве одного из дополнительных, использовав данные Росстата[69] и портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ[70].

[68] *Рукавишников 2008.*

[69] *https://clck.ru/35S7Ga.*

[70] *http://crimestat.ru/offenses_chart.*

В отличие от европейской части исследования, в российской его секции роль ключевой независимой переменной будет играть доверие не правительству, а президенту, являющемуся центральной фигурой в политической системе. Вместе с тем в случае России заслуживает внимания доверие еще к трем институтам, каждый из которых по-своему отвечает на созданный в обществе запрос на безопасность. Ведь безопасность предполагает наличие того, от чего нужно защищаться, а постоянное экзистенциальное присутствие опасности, несомненно, подпитывает страх и актуализирует «ценности выживания».

В России отмечается повышенное доверие к институтам, несущим ответственность за обеспечение разного рода безопасности. Речь идет о вооруженных силах, отвечающих за физическую сохранность населения в случае военного конфликта, органах государственной безопасности, призванных отличать наличие угрозы подобного конфликта от ее отсутствия, и Церкви, которая претендует на выполнение компенсаторной функции религии. Правомерно предположить, что через уровень доверия этим структурам может проявляться запрос на их успешную деятельность. Кроме того, мы включаем в анализ уровень религиозности населения, который не обязательно совпадает с уровнем доверия Церкви как институту и может отражать ценностные сдвиги и ориентации в обществе. Применительно к доверию к институтам (включая президента) мы будем опираться на данные Левада-центра*[71], а применительно к религиозности — на материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ[72].

[71] *https://www.levada.ru/2022/09/20/doverie-obshhestvennym-institutam-2/print/.*

[72] *https://www.hse.ru/rlms/spss.*

Следует отметить, что в случае России при определении значения показателя социального доверия мы будем исходить из доли давших утвердительный ответ на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» в рамках упомянутого выше Мониторинга НИУ ВШЭ. Значения переменных «индекс Джини» и «ВВП на душу населения», как и в европейской части исследования, взяты из базы данных World Bank.

WVS фиксирует «стартовое» социальное доверие в России 1990 г. в 34,7%, к 1995 г. на фоне экономических проблем и растущего расслое-

ния в обществе оно падает до 23,2%. Затем происходит небольшое восстановление, и в 2012 г. соответствующий показатель составляет 27,8%[73]. При этом с 1999 г. ВВП демонстрирует устойчивую тенденцию к повышению, однако культивирование социального капитала сдерживается ростом индекса Джини, вновь начавшимся в 2001 г., на этот раз в результате экономического развития.

[73] Различия в оценках уровня социального доверия в России между WVS и Мониторингом НИУ ВШЭ объясняются в первую очередь величиной выборки: около 2 тыс. и 15 тыс. респондентов соответственно.

Кроме того, на фоне роста преступности и числа конфликтов в 1990-е годы в стране возникает запрос на сильного лидера, впоследствии ставший основой складывания персоналистского режима. Ввиду недостатка социологических данных период с 2006 по 2012 г. крайне сложен для анализа; тем не менее мы однозначно можем говорить о том, что экономический рост утратил решающую роль в формировании социального капитала. Возможно, тот максимум, который он мог обеспечить, был уже достигнут, а нового катализатора повышения уровня доверия в обществе не появилось.

Анализ динамики социального доверия в России (см. *табл. 2*) показывает, что к 2012 г. оно преодолело очередной спад, связанный с финансовым кризисом 2008 г., и вернулось к прежнему уровню. В дальнейшем мы наблюдаем колебательный процесс, в рамках которого можно отметить новый спад в 2014—2015 гг. и непрерывный рост в 2018—2021 гг. В целом колебания социального доверия значительно слабее, чем политического, а общий его уровень остается низким, не превышая 20%.

Сопоставление трендов политического и социального доверия дает неожиданные (если исходить из теории и эмпирического исследования стран Европы) результаты, свидетельствуя о появлении обратного тренда, когда рост политического доверия сочетается со снижением доверия социального, и наоборот. Этот тренд возникает в 2014 г. на фоне событий, результатом которых стало присоединение Крымского полуострова, сопровождавшееся патриотическим подъемом и резким взлетом доверия к президенту. В 2015 г. тренд продолжился, а разница между двумя видами доверия достигла максимума. Обратная связь прослеживается во все годы наблюдений кроме 2019-го. Новых пиков различия достигают в 2020—2021 гг. в условиях роста социального доверия и в 2022 г. на фоне его очередного спада.

NB! Мониторинг НИУ ВШЭ не содержит сведений за 2022 г., поэтому обратимся к данным ВЦИОМ. Варианты ответа у ВЦИОМ сформулированы по-другому, отражая разные степени согласия с утверждениями. Наиболее удачным вариантом представляется сравнение доли ответивших «Безусловно можно» на вопрос «Как Вы считаете, можно или нельзя доверять большинству людей?» в 2022 г. с долей давших ответ «Полностью согласен» на вопрос «Вы согласны с тем, что большинству людей можно доверять, или нет?» в 2018 г.: она сократилась на 5 п.п. (с 12[74] до 7%[75]).

[74] https://clck.ru/37xodQ.

[75] https://clck.ru/37xQ5i.

Таблица 2 Динамика доверия и социально-экономических показателей в России в 2006–2022 гг.

Год	*2006*	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*	*2022*
Индекс Джини	41	40,7	40,9	39,9	37,7	36,8	37,2	37,5	37,7	36	36	Нет данных
ВВП на душу населения	6920	15421	15974	14096	9313	8705	10720	11287	11536	10194	12593	15345
Большинству людей можно доверять	15,54	15,54	19,07	17,23	14,45	15,84	14,29	15,33	16,12	18,78	18,98	Нет данных
Доверие президенту	58	51	55	79	80	74	75	58	60	58	53	80
Доверие армии	26	41	43	53	64	60	69	66	63	66	61	77
Доверие органам государственной безопасности	23	33	36	46	50	46	57	50	48	53	45	61
Доверие Церкви	40	50	48	54	53	43	48	48	40	42	40	51
Уровень религиозности	Нет данных	37,01	36,37	38,5	38,45	28,44	30,84	28,6	26,11	26,49	26,07	Нет данных
Число зарегистрированных преступлений	3855,4	2302,2	2206,2	2190,6	2388,5	2160,1	2058,5	1991,5	2024,3	2044,1	2004,4	1966,8

Попытка объяснить колебания социального доверия экономическими факторами не приводит к однозначным результатам, как это было прежде. Хотя можно отметить три периода совпадений: ухудшение показателей экономического развития и социального доверия в 2014—2015 гг. и улучшение в 2018—2019 и 2021 гг. Тем самым мы не можем отрицать, что в определенные периоды экономическая динамика продолжает влиять на социальный капитал. Со своей стороны динамика социального расслоения скорее говорит об утрате ею связи с социальным капиталом. Заметным исключением выглядит период пандемии COVID-19, но нам кажется вполне вероятным, что рост социального доверия в этот период был обусловлен эффектом изоляции, которая повысила социальное доверие лишь по той причине, что люди стали общаться только со своими близкими.

Анализ российского кейса демонстрирует, что политическое доверие здесь не только не оказывает прямого влияния на социальное доверие, но и связано с противоположными трендами. Мы полагаем, что повестка безопасности, обостряющаяся во времена внешнеполитических конфликтов, усиливает социальную фрагментацию, параллельно включая компенсаторный механизм в виде поддержки власти и связанных с ней институтов[76]. Об этом ясно свидетельствует корреляция между доверием президенту, армии и органам государственной безопасности, где тренды совпадают почти всегда, за исключением 2019—2020 гг. В этих обстоятельствах социально-экономические факторы уходят на второй план.

[76] Напротив, фактор преступности как непосредственно наблюдаемой или известной по сообщениям местных СМИ реальности решающего влияния на социальное доверие не оказывает. Правда, заметный рост преступности в 2015 г. все же совпал со снижением социального доверия.

Примечательно обращение людей к религии в наиболее сложные периоды геополитических потрясений, когда доверие к Церкви достигает пиковых значений (при этом хорошо коррелируя с уровнем декларируемой религиозности). Мы так же склонны видеть в этом рост значимости экзистенциальных вопросов безопасности. В исследованиях социального доверия в России в 2000—2010-е годы была обнаружена положительная корреляция между уровнем религиозности и социальным доверием[77], однако динамика последних лет показывает, что повышенное доверие к Церкви приходится на моменты упадка социального капитала. Иными словами, религиозные практики в современной России не способствуют «наведению мостов» и росту доверия в обществе в целом на основе общих религиозных ценностей.

[77] Реутов 2018.

Возникает вопрос: чем можно в сложившихся реалиях объяснить периоды повышения социального доверия? Мы видим, что они непродолжительны и носят ситуативный характер, совпадая с периодами относительного спокойствия и роста определенности в обществе. Один из примеров — 2013 год, создавший политическую определенность после возвращения Владимира Путина на президентский пост и обозначивший новый ситуативный экономический подъем. Другой пример — 2018—2019 годы, опять же успешные с точки зрения восстановительного роста экономики. В такие времена экономика возвращает себе роль значимого фактора. Что касается усиления социального доверия в пе-

риод пандемии, то мы склонны объяснять его скорее иллюзией в условиях замыкания в сообществах близких людей.

Наконец, сопоставляя выводы по России с полученными нами ранее по европейским странам, отметим, что тренд на значительное укрепление социального капитала в городских сообществах для РФ не характерен. На это указывают различия между уровнями социального доверия среди горожан и в сельской местности: согласно опросным данным, в 2021 г. для жителей областных центров рассматриваемый показатель составлял 15,25%, тогда как для жителей села — 16,93%[78]. И эти различия проходят проверку временем: за 15 лет (с 2006 г.) разрыв сократился лишь на 1 п.п. Обращает на себя внимание и то, что COVID-19 более позитивно повлиял на социальное доверие именно в сельской местности: тогда показатели составили 18,05 и 23,34% соответственно.

[78] Процент утвердительно ответивших на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» респондентов из населенных пунктов «Областной центр» и «Село», округленный до сотых (https://www.hse.ru/rlms/spss).

Заключение

Как показывает проведенное нами исследование, особенности как институциональной истории, так и эволюции политического режима в постсоветской России привели к появлению сущностной специфики в механизмах социального доверия.

С точки зрения социального доверия *per se* Россия не отличается радикальным образом от европейских государств, хотя и находится ближе к низкому уровню. Но в условиях более или менее стабильно функционирующих институтов политическое доверие в европейских странах, включая новые демократии Восточной Европы, оказывает позитивное влияние на генерализованное доверие, действуя в связке с социально-экономическими факторами. При этом падение политического доверия обычно компенсируется экономическим ростом и снижением социального неравенства, удерживающими социальный капитал на сопоставимом уровне.

Российский случай демонстрирует качественную трансформацию связи между двумя типами доверия, когда от синхронного их снижения в период радикальных реформ страна эволюционировала к их поляризации. Крупные исторические события раз за разом выводят в ней на первый план вопросы безопасности и экзистенциальных страхов, провоцируя распад социального капитала, но запуская компенсаторный механизм политического сплочения. Вместе с тем в периоды относительного общественного спокойствия фактор экономического роста восстанавливает свое стимулирующее влияние на социальное доверие, что ведет к эпизодическому совпадению с европейскими трендами. Однако ставка на всемерное повышение политического доверия на фоне высокой значимости вопроса об общественной безопасности не способствует усилению социального доверия, что, впрочем, затрудняет коллективное действие, тем самым поддерживая управляемость в политической системе.

Библиография

Авдеева Д.А. (2019) «Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития» // *Общественные науки и современность,* № 3: 79—93.

Бэнфилд Э.С. (2019) *Моральные основы отсталого общества*. М.: Новое изд-во.

Зиммель Г. (2002) «Большие города и духовная жизнь» // *Логос,* т. 34, № 3: 1—12. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf (проверено 25.12.2023).

Инглхарт Р. (1997) «Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества» // *Полис. Политические исследования,* № 4: 6—32.

Козырева П.М. и А.И.Смирнов. (2010) «Доверие и его роль в консолидации российского общества» // Горшков М.К., ред. *Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение*. М.: Новый хронограф: 160—199.

Петухов Р.В. (2017) «Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема» // *Полис. Политические исследования,* № 6: 61—75. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2017/6/Polis-2017-6-Petukhov.pdf (проверено 25.12.2023).

Реутов Е.В. (2018) «Факторы формирования социального доверия и недоверия в российском обществе» // *Среднерусский вестник общественных наук,* т. 13, № 1: 12—20.

Реутов Е.В. и М.Н.Реутова. (2014) «Социальное доверие в российском обществе: тенденции и противоречия» // *Россия и современный мир,* т. 82, № 1: 173—181.

Рукавишников В.О. (2008) «Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения» // *Социологические исследования,* № 2: 17—25.

Черепанова М.И. и С.Г.Максимова. (2019) «Доверие и безопасность» // *Society and Security Insights,* т. 2, № 4: 34—39. URL: http://journal.asu.ru/ssi/article/view/7165/5899 (проверено 25.12.2023).

Шабунова А.А., К.Е.Косыгина и Г.В.Белехова. (2021) «Доверие и социальное неравенство: российский кейс» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены,* № 4: 186—211. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1785/1566 (проверено 25.12.2023).

Anderson C. and A.LoTempio. (2002) «Winning, Losing and Political Trust in America» // *British Journal of Political Science*, vol. 32, no. 2: 335—351.

Barone G. and S.Mocetti. (2016) «Inequality and Trust: New Evidence from Panel Data» // *Economic Inquiry,* vol. 54, no. 2: 794—809.

Belanger E. and R.Nadeau. (2005) «Political Trust and the Vote in Multiparty Elections: The Canadian Case» // *European Journal of Political Research,* vol. 44, no. 1: 121—146.

Berg L. and M.Hjerm. (2010) «National Identity and Political Trust» // *Perspectives on European Politics and Society,* vol. 11, no. 4: 390—407.

Berggren N., M.Elinder, and H.Jordahl. (2008) «Trust and Growth: A Shaky Relationship» // *Empirical Economics,* vol. 35, no. 2: 251—274.

Beugelsdijk S., H. de Groot, and A. van Schaik. (2004) «Trust and Economic Growth: a Robustness Analysis» // *Oxford Economic Papers,* vol. 56, no. 1: 118—134.

Bhide A. and H.Stevenson. (1992) «Trust, Uncertainty, and Profit» // *The Journal of Socio-Economics,* vol. 21, no. 3: 191—208.

Bijlsma K. and G. van de Bunt. (2003) «Antecedents of Trust in Managers: A „Bottom Up" Approach» // *Personnel Review,* vol. 32, no. 5: 638—664.

Bjørnskov C. (2012) «How Does Social Trust Affect Economic Growth?» // *Southern Economic Journal,* vol. 78, no. 4: 1346—1368.

Braithwaite J. and T.Makkai. (1994) «Trust and Compliance» // *Policing and Society: An International Journal,* vol. 1, no. 4: 1—12.

Buskens V., V.Frey, and W.Raub. (2018) «Trust Games: Game-Theoretic Approaches to Embedded Trust» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 305—331.

Cawvey M., M.Hayes, D.Canache, and J.Mondak. (2018) «Biological and Psychological Influences on Interpersonal and Political Trust» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 119—148.

Citrin J. and L.Stoker. (2018) «Political Trust in a Cynical Age» // *Annual Review of Political Science,* vol. 21: 49—70.

Coleman J. (1994) *Foundations of Social Theory*. Cambridge (MA), London: Harvard University Press.

Cook K. and J.Santana. (2018) «Trust and Rational Choice» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 253—278.

Grönlund K. and M.Setälä. (2007) «Political Trust, Satisfaction and Voter Turnout» // *Comparative European Politics,* vol. 5, no. 4: 400—422.

Hardin R. (1992) «The Street-Level Epistemology of Trust» // *Analyse & Kritik,* vol. 14, no. 2: 152—176.

Hardin R. (2002) *Trust and Trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation.

Hetherington M. (1998) «The Political Relevance of Political Trust» // *American Political Science Review,* vol. 92, no. 4: 791—808.

Horvath R. (2013) «Does Trust Promote Growth?» // *Journal of Comparative Economics,* vol. 41, no. 3: 777—788.

Jepma M., R.Verdonschot, H. van Steenbergen, S.Rombouts, and S.Nieuwenhuis. (2012) «Neural Mechanisms Underlying the Induction and Relief of Perceptual Curiosity» // *Frontiers in Behavioral Neuroscience,* vol. 6, no. 5: 1—9.

Kaase M. (1999) «Interpersonal Trust, Political Trust and Non-Institutionalised Political Participation in Western Europe» // *West European Politics,* vol. 22, no. 3: 1—21.

Kashefi M. (2015) «Democratic States, Social Capital/Trust, and National Development» // *International Review of Modern Sociology,* vol. 41, no. 1: 29—54.

Kreps D. (1990) «Corporate Culture and Economic Theory» // Alt J.E. and K.A.Shepsle, eds. *Perspectives on Positive Political Economy*. Cambridge: Cambridge University Press: 90—142.

Kuznetsov A. and O.Kuznetsova. (2008) «Gaining Competitiveness through Trust: the Experience of Russia» // *European Journal of International Management,* vol. 1, no. 2: 22—38.

Lenard P.T. and D.Miller. (2018) «Trust and National Identity» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 57—74.

Levi M. (1988) *Of Rule and Revenue*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Levi M. (1996) *A State of Trust*. EUI working paper. Florence: European University Institute.

Linz J. and A.Stepan. (1996) «Toward Consolidated Democracies» // *Journal of Democracy,* vol. 7, no. 2: 14—33.

Miller G. (1992) *Managerial Dilemmas: The Political Economy of Hierarchy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mishler W. and R.Rose. (2001) «What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies» // *Comparative Political Studies,* vol. 34, no. 1: 30—62.

Mishler W. and R.Rose. (2005) «What Are the Political Consequences of Trust? A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia» // *Comparative Political Studies,* vol. 38, no. 9: 1050—1078.

Newton K. and S.Zmerli. (2011) «Three Forms of Trust and Their Association» // *European Political Science Review,* vol. 3, no. 2: 169—200.

Newton K., D.Stolle, and S.Zmerli. (2018) «Social and Political Trust» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 961—976.

Patulny R. and G.Svendsen. (2007) «Exploring the Social Capital Grid: Bonding, Bridging, Qualitative, Quantitative» // *International Journal of Sociology and Social Policy,* vol. 27, no. 1: 32—51.

Putnam R., R.Leonardi, and R.Nanetti. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Schwartenbeck P., T.FitzGerald, R.J.Dolan, and K.Friston. (2013) «Exploration, Novelty, Surprise, and Free Energy Minimization» // *Frontiers in Psychology,* vol. 4, no. 710: 1—5. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1423327/1/fpsyg-04-00710.pdf (accessed on 26.12.2023).

Sennet R. (1970) *The Uses of Disorder: Personal Identity and City Life*. New York: Knopf.

Snetkov A. (2015) *Russia's Security Policy under Putin: A Critical Perspective*. London: Routledge.

Taylor M. (1982) *Community, Anarchy and Liberty*. Cambridge: Cambridge University Press.

Taylor P., C.Funk, and A.Clark. (2007) «Americans and Social Trust: Who, Where and Why» // *Pew Research Center,* 22.02. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1423327/1/fpsyg-04-00710.pdf (accessed on 26.12.2023).

Tyler T. (1990) *Why People Obey the Law*. Princeton: Princeton University Press.

Uslaner E. (2002) «The Moral Foundations of Trust» // *SSRN Electronic Journal*, September.

Wang Z. (2005) «Before the Emergence of Critical Citizens: Economic Development and Political Trust in China» // *International Review of Sociology,* vol. 15, no. 1: 155—171.

Warren M. (2017) «What Kinds of Trust Does a Democracy Need? Trust from the Perspective of Democratic Theory» // Zmerli S. and T.W.G. van der Meer, eds. *Handbook on Political Trust.* Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing: 33—52.

Yamagishi T. and M.Yamagishi. (1994) «Trust and Commitment in the United States and Japan» // *Motivation and Emotion,* vol. 2, no. 18: 129—166.

Zmerli S. and K.Newton. (2008) «Social Trust and Attitudes Toward Democracy» // *Public Opinion Quarterly,* vol. 72, no. 4: 706—724.

** Решением Минюста РФ внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.*

R.F.Turovsky, E.V.Bragina

FACTORS OF SOCIAL TRUST IN EUROPE AND RUSSIA

Rostislav F. Turovsky — Doctor of Political Science; Professor; Head of the Laboratory of Regional Political Studies of the Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: RTurovsky@hse.ru.

Ekaterina V. Bragina — B.A. Student in the Political Science Program; Intern Researcher at the Laboratory of Regional Political Studies of the Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: evbragina@edu.hse.ru.

Abstract. The article analyzes the factors of generalized social trust in the modern states. The authors rely on the “up bottom” approach, which as-

sumes that trust in political institutions has a significant impact on social trust, while also accounting for socio-economic factors.

The research study of the modern European states that employed regression analysis of the sociological data from the World Values Survey and Eurobarometer shows that political trust continues to have a positive effect on the level of social trust. However, economic development and low levels of social stratification are equally important. A potentially important new factor is the increase in trust in urban communities, while the presence or absence of the communist past has lost its influence on social trust.

The authors examine the case of Russia separately due to the specifics of political trust in personalist presidential regimes, Russia's longer exposure to communism, as well as the modern increase in the level of political trust, which radically exceeds the level of social trust. Based on the comparative study of sociological trends and factors of social trust in the country, they document the gradual development of a situation where social trust is inversely correlated with political trust. They tend to explain this phenomenon by the exaggerated importance of the personal and public security agenda, which negatively affects social trust, while simultaneously increases the demand for political trust. Socio-economic factors in Russia play a limited role, but can resume their influence during periods of reduced social tensions. According to the authors' conclusion, given the current political system, the potential for increase in social trust in the Russian Federation is limited.

Keywords: social trust, political trust, social capital, political regime, social stratification, Russia, Europe.

References

Anderson C. and A.LoTempio. (2002) "Winning, Losing and Political Trust in America" // *British Journal of Political Science*, vol. 32, no. 2: 335—351.

Avdeeva D.A. (2019) "Doverie v Rossii i ego svjaz' s urovnem ekonomicheskogo razvitija" [Trust in Russia and Its Connection with the Level of Economic Development] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 3: 79—93. (In Russ.)

Banfield E.C. (2019) *Moral'nye osnovy otstalogo obshchestva* [The Moral Basis of a Backward Society]. Moscow: Novoe izd-vo.

Barone G. and S.Mocetti. (2016) "Inequality and Trust: New Evidence from Panel Data" // *Economic Inquiry,* vol. 54, no. 2: 794—809.

Belanger E. and R.Nadeau. (2005) "Political Trust and the Vote in Multiparty Elections: The Canadian Case" // *European Journal of Political Research,* vol. 44, no. 1: 121—146.

Berg L. and M.Hjerm. (2010) "National Identity and Political Trust" // *Perspectives on European Politics and Society,* vol. 11, no. 4: 390—407.

Berggren N., M.Elinder, and H.Jordahl. (2008) "Trust and Growth: A Shaky Relationship" // *Empirical Economics,* vol. 35, no. 2: 251—274.

Beugelsdijk S., H. de Groot, and A. van Schaik. (2004) "Trust and Economic Growth: a Robustness Analysis" // *Oxford Economic Papers,* vol. 56, no. 1: 118—134.

Bhide A. and H.Stevenson. (1992) "Trust, Uncertainty, and Profit" // *The Journal of Socio-Economics,* vol. 21, no. 3: 191—208.

Bijlsma K. and G. van de Bunt. (2003) "Antecedents of Trust in Managers: A „Bottom Up" Approach" // *Personnel Review,* vol. 32, no. 5: 638—664.

Bjørnskov C. (2012) "How Does Social Trust Affect Economic Growth?" // *Southern Economic Journal,* vol. 78, no. 4: 1346—1368.

Braithwaite J. and T.Makkai. (1994) "Trust and Compliance" // *Policing and Society: An International Journal,* vol. 1, no. 4: 1—12.

Buskens V., V.Frey, and W.Raub. (2018) "Trust Games: Game-Theoretic Approaches to Embedded Trust" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 305—331.

Cawvey M., M.Hayes, D.Canache, and J.Mondak. (2018) "Biological and Psychological Influences on Interpersonal and Political Trust" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press*:* 119—148.

Cherepanova M.I. and S.G.Maximova. (2019) "Doverie i bezopasnost'" [Trust and Security] // *Society and Security Insights,* vol. 4, no. 2: 34—39. URL: http://journal.asu.ru/ssi/article/view/7165/5899 (accessed on 25.12.2023). (In Russ.)

Citrin J. and L.Stoker. (2018) "Political Trust in a Cynical Age" // *Annual Review of Political Science,* vol. 21: 49—70.

Coleman J. (1994) *Foundations of Social Theory*. Cambridge (MA), London: Harvard University Press.

Cook K. and J.Santana. (2018) "Trust and Rational Choice" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press*:* 253—278.

Grönlund K. and M.Setälä. (2007) "Political Trust, Satisfaction and Voter Turnout" // *Comparative European Politics,* vol. 5, no. 4: 400—422.

Hardin R. (1992) "The Street-Level Epistemology of Trust" // *Analyse & Kritik,* vol. 14, no. 2: 152—176.

Hardin R. (2002) *Trust and Trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation.

Hetherington M. (1998) "The Political Relevance of Political Trust" // *American Political Science Review,* vol. 92, no. 4: 791—808.

Horvath R. (2013) "Does Trust Promote Growth?" // *Journal of Comparative Economics,* vol. 41, no. 3: 777—788.

Inglehart R. (1997) "Postmodern: menjajushchiesja tsennosti i izmenjajushchiesja obshchestva" [Postmodemity: Changing Values and Changing Societies] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 6—32. (In Russ.)

Jepma M., R.Verdonschot, H. van Steenbergen, S.Rombouts, and S.Nieuwenhuis. (2012) "Neural Mechanisms Underlying the Induction and Relief of Perceptual Curiosity" // *Frontiers in Behavioral Neuroscience,* vol. 6, no. 5: 1—9.

Kaase M. (1999) "Interpersonal Trust, Political Trust and Non-Institutionalised Political Participation in Western Europe" // *West European Politics,* vol. 22, no. 3: 1—21.

Kashefi M. (2015) "Democratic States, Social Capital/Trust, and National Development" // *International Review of Modern Sociology,* vol. 41, no. 1: 29—54.

Kozyreva P.M. and A.I.Smirnov. (2010) "Doverie i ego rol' v konsolidatsii rossijskogo obshchestva" [Trust and Its Role in the Consolidation of Russian Society] // Gorshkov M.K., ed. *Sotsial'nye faktory konsolidatsii rossijskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie* [Social Factors of Consolidation of Russian Society: Sociological Dimension]. Moscow: Novyj Khronograf: 160—199. (In Russ.)

Kreps D. (1990) "Corporate Culture and Economic Theory" // Alt J.E. and K.A.Shepsle, eds. *Perspectives on Positive Political Economy.* Cambridge: Cambridge University Press: 90—142.

Kuznetsov A. and O.Kuznetsova. (2008) "Gaining Competitiveness through Trust: the Experience of Russia" // *European Journal of International Management,* vol. 1, no. 2: 22—38.

Lenard P.T. and D.Miller. (2018) "Trust and National Identity" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 57—74.

Levi M. (1988) *Of Rule and Revenue*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Levi M. (1996) *A State of Trust*. EUI working paper. Florence: European University Institute.

Linz J. and A.Stepan. (1996) "Toward Consolidated Democracies" // *Journal of Democracy,* vol. 7, no. 2: 14—33.

Miller G. (1992) *Managerial Dilemmas: The Political Economy of Hierarchy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mishler W. and R.Rose. (2001) "What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies" // *Comparative Political Studies,* vol. 34, no. 1: 30—62.

Mishler W. and R.Rose. (2005) "What Are the Political Consequences of Trust? A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia" // *Comparative Political Studies,* vol. 38, no. 9: 1050—1078.

Newton K. and S.Zmerli. (2011) "Three Forms of Trust and Their Association" // *European Political Science Review,* vol. 3, no. 2: 169—200.

Newton K., D.Stolle, and S.Zmerli. (2018) "Social and Political Trust" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 961—976.

Patulny R. and G.Svendsen. (2007) "Exploring the Social Capital Grid: Bonding, Bridging, Qualitative, Quantitative" // *International Journal of Sociology and Social Policy,* vol. 27, no. 1: 32—51.

Petukhov R.V. (2017) "Doverie rossijskogo obshchestva k organam mestnogo samoupravlenija kak problema" [The Russian Society's Confidence in the Local Governments as a Problem] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 61—75. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2017/6/Polis-2017-6-Petukhov.pdf (accessed on 25.12.2023). (In Russ.)

Putnam R., R.Leonardi, and R.Nanetti. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Reutov E.V. (2018) "Faktory formirovanija sotsial'nogo doverija i nedoverija v rossijskom obshchestve" [Factors of Formation of Social Trust and Mistrust in Russian Society] // *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], vol. 13, no. 1: 12—20. (In Russ.)

Reutov E.V. and M.N.Reutova. (2014) "Sotsial'noe doverie v rossijskom obshchestve: tendentsii i protivorechija" [Social Trust in the Russian Society: Tendencies and Contradictions] // *Rossija i sovremennyj mir* [Russia and the Contemporary World], vol. 82, no. 1: 173—181. (In Russ.)

Rukavishnikov V.O. (2008) "Mezhlichnostnoe doverie: izmerenie i mezhstranovye sravnenija" [Interpersonal Trust: Measurement and Cross-Country Comparisons] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 2: 17—25. (In Russ.)

Schwartenbeck P., T.FitzGerald, R.J.Dolan, and K.Friston. (2013) "Exploration, Novelty, Surprise, and Free Energy Minimization" // *Frontiers in Psychology,* vol. 4, no. 710: 1—5. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1423327/1/fpsyg-04-00710.pdf (accessed on 26.12.2023).

Sennet R. (1970) *The Uses of Disorder: Personal Identity and City Life*. New York: Knopf.

Shabunova A.A., K.E.Kosygina, and G.V.Belekhova. (2021) "Doverie i sotsial'noe neravenstvo: rossijskij kejs" [Trust and Social Inequality: The Case of Russia] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 4: 186—211. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1785/1566 (accessed on 25.12.2023). (In Russ.)

Simmel G. (2002) "Bol'shie goroda i dukhovnaja zhizn'" [Die Groβstädte und das Geistesleben] // *Logos,* vol. 34, no. 3: 1—12. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf (accessed on 25.12.2023). (In Russ.)

Snetkov A. (2015) *Russia's Security Policy under Putin: A Critical Perspective*. London: Routledge.

Taylor M. (1982) *Community, Anarchy and Liberty*. Cambridge: Cambridge University Press.

Taylor P., C.Funk, and A.Clark. (2007) "Americans and Social Trust: Who, Where and Why" // *Pew Research Center,* 22.02. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1423327/1/fpsyg-04-00710.pdf (accessed on 26.12.2023).

Tyler T. (1990) *Why People Obey the Law*. Princeton: Princeton University Press.

Uslaner E. (2002) "The Moral Foundations of Trust" // *SSRN Electronic Journal*, September.

Wang Z. (2005) "Before the Emergence of Critical Citizens: Economic Development and Political Trust in China" // *International Review of Sociology,* vol. 15, no. 1: 155—171.

Warren M. (2017) "What Kinds of Trust Does a Democracy Need? Trust from the Perspective of Democratic Theory" // Zmerli S. and T.W.G. van der Meer, eds. *Handbook on Political Trust*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing: 33—52.

Yamagishi T. and M.Yamagishi. (1994) "Trust and Commitment in the United States and Japan" // *Motivation and Emotion,* vol. 2, no. 18: 129—166.

Zmerli S. and K.Newton. (2008) "Social Trust and Attitudes Toward Democracy" // *Public Opinion Quarterly,* vol. 72, no. 4: 706—724.